

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ СХОДОЗНАВСТВА ім. А. Ю. КРИМСЬКОГО

СХОДОЗНАВСТВО

68

КИЇВ – 2014

Затверджено до друку Вченою радою Інституту сходознавства
ім. А. Ю. Кримського НАН України 25.12.2014 (протокол № 5)

Головний редактор
Д. А. Радівілов, канд. іст. наук

Редакційна колегія:

О. І. Айбабін, д-р іст. наук, проф.; С. О. Біляєва, д-р іст. наук, проф.;
О. В. Богомолів, канд. філол. наук; О. Б. Бубенок, д-р іст. наук, проф.;
О. Б. Головка, д-р іст. наук; А. Л. Зелінський, канд. іст. наук;
В. О. Кіктенко, д-р філос. наук, канд. іст. наук;
А. І. Колесніков, д-р іст. наук; О. Ч. Кшановський, д-р філол. наук;
А. Т. Лукашевич, dr hab., prof.; О. С. Мавріна, канд. іст. наук;
І. В. Отрощенко, д-р іст. наук; В. С. Рибалкін, д-р філол. наук, проф.;
М. О. Тарасенко, д-р іст. наук; І. В. Туров, д-р іст. наук;
О. О. Хамрай, д-р філол. наук; Г. М. Яворська, д-р філол. наук;
Б. П. Яценко, д-р геогр. наук, проф.

Склад редколегії затверджено Вченою радою
Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України
25.12.2014

Літературний редактор О. Я. Орос
Коректор Я. Є. Ленго
Комп'ютерне макетування Я. Є. Ленго

Адреса редакції:
Україна, 01001, Київ, вул. М. Грушевського, 4
Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України
к. 205, тел./факс 278-76-52

Свідцтво про державну реєстрацію
КВ №15900-4372 ПР від 08.10.2009

<http://orientalstudies.wix.com/journal>
skhodoznavstvo@gmail.com

**СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО:
ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПРАВЯЩЕЙ ВЕРХУШКИ
НЕЗАВИСИМОЙ БИРМЫ/МЬЯНМЫ**

Сложности и противоречия колониального и постколониального этапа истории развивающихся стран, как в зеркале, отразились в нелегкой судьбе Бирмы (Мьянмы) – одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии. Прежде чем после трех войн англичане сделали страну своей колонией в 1885 г., на мьянманской земле в разные века сменили друг друга три империи, в состав которых входили и части территории современных Таиланда, Китая и Индии.

Под эгидой сильного традиционалистского государства в Мьянме, к моменту прихода англичан, под влиянием индийских и китайских образцов сложилась самобытная политическая культура, наложившая отпечаток на все отношения местного общества. Как и в ряде других стран Дальнего Востока, власть в традиционном мьянманском обществе представляла, прежде всего, как способность к покровительству. Поиск лидера-покровителя, как заметил американский исследователь М. Нэш, постепенно стал основой мьянманской политической культуры на всех уровнях общественной иерархии [Nash 1965, 77–78, 275]. Имевшее хождение в Мьянме буддийское изречение “народ без лидера разоряется” подтверждает это мнение [Всеволодов 1978, 156–159]. Вместе с тем, власть в мьянманской политической традиции воспринималась также и как способность приказывать и подчинять, требовать безоговорочного исполнения воли. В доколониальный период причастность к власти, исходящей, подобно лучам, из личности монарха, накладывала печать избранности на любого члена государственного аппарата и резко отделяла его от тех, кого не коснулся монарший “свет”. При этом нечеткая разделенность гражданской и военной властей в традиционной Мьянме приводила к тому, что аппарат власти по духу был вполне милитаристским: приказ и подчинение связывали чиновников наподобие

офицеров армии [Nash 1965, 275]. Два описанных значения власти в мьянманской политической традиции – покровительственное и авторитарное – логически как будто противоречат друг другу. Однако то, что кажется противоречием с точки зрения логики, в реальности являлось диалектическим союзом двух концепций власти, сочетанием, которое представляло собой необходимый узел традиционной мьянманской политической системы [Агаджанян 1987, 322–323].

В колониальный период эти устоявшиеся представления о политической культуре временно потеряли актуальность и отошли на второй план на фоне того, что традиционная Мьянма оказалась бессильна противостоять натиску европейцев. Главные носители местной политической культуры – традиционалистски настроенные слои мьянманского крестьянства – лишились всех средств институализации своих общественных предпочтений и с момента ликвидации в 1885 г. независимости Мьянмы никак не проявляли себя в легальном политическом поле страны. В то же время традиционалистские черты бирманской политической культуры отнюдь не исчезли и под властью англичан. Их существование в новейший период истории страны очевидно проявилось уже в том, что за годы Второй мировой войны, в период японской оккупации, в Бирме достаточно спонтанно сформировались мощные Вооруженные силы, во главе которых встали патриотически настроенные молодые люди. Конечно, все они уже не были носителями старобирманской политической идеологии – на ее базе было невозможно сформировать современное государство со всеми его институтами. Аун Сан, Не Вин, У Ну, У Тан и их соратники из довоенной патриотической организации “Добама Асиайон” (“Наша Бирма”), которые образовали ядро бирманской постколониальной элиты, еще в 1920-е – 1930-е гг. познакомились с английским языком и элементами европейской культуры в средних англо-бирманских школах, а затем обучались в Рангунском университете, специализируясь в основном в области литературы, истории, права. Все они неплохо ориентировались в европейском культурном дискурсе, пытаясь приложить к развитию родной Бирмы самые современные западные теории: от марксизма-ленинизма до фашизма [Листопадов 1996, 115; Листопадов 1997б, 58–59; Листопадов 1998, 88–90; Листопадов 2005, 67–68].

Тем не менее, в сфере практической политики нарождающаяся элита независимой Бирмы, независимо от имеющихся теоретических наработок и помощи извне, неизбежно шла тернистым путем проб и ошибок. Последовавшая после обретения страной независимости в январе 1948 г. попытка лидеров Бирмы вписать национальную экономику в капиталистическую мирохозяйственную систему привела бирманское общество к глубокому кризису. Его истоки уходили еще в колониальный период истории страны, когда традиционалистски настроенные слои местного общества были совершенно дезориентированы жестким вторжением в жизнь Бирмы новых капиталистических реалий. После обретения Бирмой независимости эти элементы бирманского социума, недостаточно приспособленные к повсеместно торжествующим рыночным отношениям, составили массовую социальную базу восстания против существующих порядков, которое в марте 1948 г. подняла и возглавила сформировавшаяся в стране левая контрэлитная группировка – Коммунистическая партия Бирмы.

Имея целью переломить ход гражданской войны в Бирме в свою пользу и выйти из кризиса, пришедший к власти после военного переворота 1962 г. командующий бирманской армией генерал Не Вин на протяжении 1963–1965 гг. осуществил в стране радикальную аграрную реформу. Она в корне изменила колониальные порядки, сложившиеся в деревне в предшествующий период, выведя массы сельского населения из безнадежной долговой кабалы [Агаджанян 1989, 118–119]. Обстановка в стране начала стабилизироваться, прежде всего, прекратилось прогрессирующее разорение бирманского крестьянства – основной части населения страны. Именно после успешной аграрной реформы, осуществленной группировкой Не Вина в 1960-е гг., наиболее отсталые патриархальные слои бирманского крестьянства стали интенсивно адаптироваться к новым политическим и экономическим практикам и начали отходить от поддержки идеологии политического террора. В частности, на протяжении 1960-х – 1970-х гг. бирманские сухопутные войска – самая многочисленная и закаленная в боях с повстанцами часть вооруженных сил Бирмы – значительно пополнились бывшими сторонниками Коммунистической партии.

Такое вовлечение в ряды национальной военной элиты массы носителей традиционной политической культуры привело к

существенным изменениям во внутренней структуре самих бирманских вооруженных сил. Разрастающуюся национальную армию в указанный период возглавило совсем иное ответвление постколониальной элиты Бирмы – не имеющее широкого европейского образования и сформировавшееся в бирманской глубинке, в специфических условиях закрытого военно-учебного заведения. С 50-х гг. XX века подлинной кузницей кадров независимой Бирмы стала расположенная недалеко от Мандалая, в курортном местечке Мемью (Пьин У Лвине) Академия оборонных служб (Defence Services Academy). Она была основана в 1954 г. в штате Шан, а с 1957 г. находится в Пьин У Лвине. Абсолютное большинство средних и высших командиров бирманской армии, занявшее свои посты в 1960-е – 1980-е гг. и впоследствии возглавившее страну, провело свои молодые годы в стенах Академии, не только осваивая разные военные специальности, но и специально готовясь к управлению государством. Так, по информации российского бирманиста П. Н. Козьмы, шедший вторым номером (до 2011 г.) в иерархии военного руководства Мьянмы вице-старший генерал Маунг Эй является выпускником первого набора АОС. Нынешний президент страны генерал Тейн Сейн происходит из 9-го набора. Вице-президент, отставной генерал Тихатура Тин Аун Мьинт У – из 12-го набора. Спикер одной из двух палат парламента Мьянмы, отставной генерал Тура Шве Ман – представитель 11-го набора Академии. Как отмечает упомянутый российский исследователь, этот список фактически можно продолжать до бесконечности, включая сюда военных командиров и гражданских начальников самых разных уровней [Козьма 2014, 88–94].

Стоит особо отметить, что современно составленная (по американским и британским образцам) программа обучения в Академии не означала формирования у выпускников этого учебного центра вестернизированного мировоззрения. Поступавшие в него выходцы из деревень и маленьких провинциальных городков глубинных регионов Бирмы, еще не так давно охваченных коммунистическим повстанческим движением, изначально отличались резко традиционалистскими взглядами, которые не в силах было поколебать самое современное образование. Характерно, что на рубеже XX и XXI веков мьянманское военное руководство регулярно участвовало в старинных магических обрядах с

привлечением потусторонних сил, призванных нейтрализовать политических противников правящей группировки. При этом, в подобных церемониях участвовали также и представители модернистского крыла военной элиты, такие как Кхин Ньют, инициатор последующей политической либерализации военного режима Мьянмы. В ходе таких обрядов, по сведениям П. Н. Козьмы, именно генерал Кхин Ньют переодевался в женское платье (что, кстати, не редкость для многих ритуалов мьянманцев) и магически исполнял роль лидера демократической оппозиции До Аун Сан Су Чжи [Козьма 2014, 214–225].

Как видно из упомянутого эпизода, даже вестернизированным представителем мьянманской постколониальной элиты никогда не были чужды традиционалистские воззрения; тем более такие взгляды всецело довлели в среде выходцев из Академии оборонных служб в 60-е – 80-е гг. XX века. Сам факт создания закрытого военно-учебного заведения как питомника для пополнения властвующей группировки находился целиком в русле традиционных бирманских политических представлений, в рамках которых аппарат власти противопоставляется всему остальному социуму как особая каста, скрепляемая изнутри собственной идеологией и прочими атрибутами избранности. В лице выпускников Академии традиционное бирманское общество, вытесненное из сферы легальной политики в эпоху колониализма, впервые обрело адекватное, учитывающее реалии современности, политическое представительство. При этом, после подавления опиравшегося на центральные районы страны коммунистического движения, военные кадры, формировавшиеся в данном учебном заведении, в первую очередь выражали интересы патриархальных слоев населения Верхней Бирмы/Мьянмы – региона, который господствовал в стране на протяжении столетий, но с 1885 по 1988 гг. вообще никак не был представлен в правительстве страны.

Во многом благодаря деятельности Академии оборонных служб к концу 1980-х гг. консервативные бирманские военные оказались готовы открыто выйти на политическую арену и вступить в конфликт с находящейся у власти модернистской группировкой генерала Не Вина, чей режим находился в состоянии углубляющегося внутреннего кризиса. В его правление, на протяжении четверти с лишним века, стабильность и модернизация в Бирме обеспечивались достаточно эффективно, однако цена

их оказалась излишне велика. Огосударственная экономика страны, управлявшаяся командными методами, стагнировала. По классификации ООН, в 1987 г. Бирма была включена в список наименее развитых стран мира с годовым доходом на душу населения около 200 долларов. В этих условиях правительство было вынуждено пойти на либерализацию экономической жизни, начав с ведущей отрасли – сельского хозяйства, в котором занято 65 % самостоятельного населения. В то же время, одновременно с шагами в сторону рыночных преобразований бирманское руководство прибегло к явно волонтаристским мерам, объясняемым необходимостью обуздать черный рынок, – изъятию из обращения банкнот крупного достоинства безо всякой компенсации их владельцам. Эта акция послужила детонатором студенческих волнений, летом 1988 г. переросших в мощное стихийное движение под лозунгами демократизации политического режима [Листопадов 1997б, 73–74].

Надо сказать, что к моменту кризиса режима, установленного в стране бирманскими модернистами, вполне сформировалось и уже готово было войти во власть второе поколение прозападного крыла постколониальной элиты Бирмы. Оно было представлено, в частности, бывшим главой личной охраны Не Вина и начальником военной разведки страны генералом Кхин Ньюнтом, внуками и другими родственниками генерала Не Вина, к которым ситуативно примкнула стремительно торгшавшая в бирманскую публичную политику До Аун Сан Су Чжи – дочь генерала Аун Сана, лидер быстро формировавшейся в Мьянме либеральной контрэлиты. До бурных событий 1988 г. Су Чжи долгие годы жила за границей, в Индии, США и Великобритании, работала в Оксфорде и в Нью-Йорке, в секретариате ООН. В марте 1988 г. Аун Сан Су Чжи приехала из Англии в Рангун, чтобы ухаживать за тяжело заболевшей матерью. Судьба распорядилась так, что дочь национального героя бросила вызов его давнему соратнику Не Вину, поставила под сомнение авторитет и исторические заслуги последнего. 26 августа Су Чжи впервые выступила на огромном митинге около буддийской святыни – пагоды Шведатон. В своем выступлении она призывала к использованию ненасильственных методов борьбы за демократизацию Бирмы. Тем временем, несмотря на согласие сентябрьского чрезвычайного съезда правящей ПБСП (Партии бирманской социалистической

программы) провести свободные выборы, волнения в стране продолжались, повсюду нарастали анархия и хаос.

На этом фоне очередной раз в истории страны в события вмешалась армия – 18 сентября 1988 г. в Мьянме произошел новый военный переворот. Всю полноту власти сосредоточили в своих руках консервативно настроенные военные из командования сухопутных войск мьянманской армии. Для выхода из кризиса и оперативного руководства государством они сформировали фактическое правительство страны – Государственный совет по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП). Прекратила свое действие Конституция 1974 г. ПБСП, поменяв название на Партию национального единства (ПНЕ), перестала быть правящей и единственной. Военные вынуждены были разрешить оппозиции создавать партии. Ведущей из них стала Национальная лига за демократию (НЛД) во главе с Су Чжи и опальными генералами Тин У (бывшим министром обороны) и Аун Джи. 20 июля 1989 г. Су Чжи помещается под домашний арест, ее лишают права участвовать в парламентских выборах, состоявшихся в мае 1990 г. НЛД, прежде всего благодаря авторитету Су Чжи, завоевала подавляющее число мест в парламенте, но ГСВЗП сразу же после выборов заявил, что передача власти гражданскому правительству невозможна до разработки и утверждения новой Конституции [Листопадов 1997а, 108–109].

Однако впервые собравшаяся в январе 1993 г. Национальная конституционная конференция работала над новым Основным законом чрезвычайно медленно и с большими перерывами, что в итоге привело к консервации в стране на длительный срок прямого военного правления. Последнее позволило правящей военной верхушке надолго подавить сопротивление демократической оппозиции, хотя нужно отметить, что в среде вестернизированных горожан мьянманские модернисты (возглавляемая Су Чжи НЛД, к которой отчасти присоединилась отсеченная от власти группировка военных во главе с Не Вином и Кхин Ньюнтом) все же сохранили сильные позиции для последующего соперничества с традиционалистами во власти.

В отличие от городов, с конца 1980-х гг. попавших под влияние мьянманской оппозиции, сельское население страны еще в предшествующий период, в правление генерала Не Вина, было взято военными властями Бирмы/Мьянмы под плотный политический

контроль [Агаджанян 1989, 120]. Успешное подавление волнений 1988 г. мьянманскими военными во многом объяснялось именно тем обстоятельством, что деревенское население Мьянмы, хотя отчасти и симпатизировало оппозиции (как показали выборы 1990 г.), в целом не подвергало сомнению право армии на власть над страной. Особенно широкой поддержкой свергнувшие режим Не Вина военные консерваторы пользовались на своей “малой родине” – среди патриархального населения традиционалистски настроенной мьянманской глубинки.

Поэтому неудивительно, что предложенная новыми властями Мьянмы в середине 1990-х гг. комплексная программа выхода из кризиса и последующего развития страны практически целиком находилась в русле традиционной мьянманской политической культуры. В каждом ее блоке определялось по 4 цели – явная перекличка с “четырьмя благородными истинами” буддизма, а сами 3 блока правительственной программы соотносились с “тремя драгоценностями” буддийского учения – Буддой, Дхармой и Сангхой. Политические цели предложенной программы действий включали стабильность в государстве, мир и спокойствие в обществе, законность и порядок; национальное примирение; выработку новой стабильной конституции; построение нового современного развитого государства в соответствии с новым Основным законом. Экономические цели предусматривали развитие сельского хозяйства как базовой отрасли и всестороннее развитие других секторов экономики; правильное развитие рыночно-ориентированной экономической системы; развитие экономики с привлечением “ноу-хау” и инвестиций, как из внутренних, так и из внешних источников; особо указывалось, что инициатива формирования экономики должна находиться в руках государства и коренных народов. Заявленные социальные цели власти заключались в повышении морально-нравственного уровня всей нации; повышении национального престижа, упрочении самобытности, сохранении и защите культурного наследия и национальных особенностей народа; повышении динамизма патриотического духа; улучшении здоровья и образовательных стандартов всей нации [Листопадов 1997а, 112]. Как видно, этот своеобразный кодекс модернизации и развития делал акцент на общегосударственных задачах, закрепляя за государством привычные для доколониальной

Мьянмы патерналистские функции. О правах и свободах личности в нем практически ничего не говорилось.

Реализуя на практике покровительственные функции традиционного государства, правящие военные сохранили в стране обширный (хотя и крайне неэффективный) государственный сектор экономики, ликвидация которого могла привести к стремительному росту безработицы и переходу ключевых отраслей под контроль иностранного капитала. Именно с помощью перераспределения средств внутри этого сектора даже после введения в 1997 г. Западом масштабных санкций против военного режима Мьянмы властям удалось сохранить “социальные”, низкие цены на коммунальные услуги, электроэнергию, почту, некоторые виды транспорта. Попутно вводилась система сложных разрешений и высоких пошлин на импорт товаров не первой необходимости (автомобилей, дорогой электроники и т. д.) – своеобразные “налоги на роскошь” для ограничения потребления правящей верхушки; именно такое “поддержание справедливости” в социуме издавна входило в функции власти в представлениях традиционной мьянманской политической культуры. В условиях ренессанса последней новое дыхание по всей стране на рубеже XX и XXI веков получила публичная благотворительность (строительство и ремонт школ, больниц, дорог, буддийских пагод и монастырей, погребение неимущих и т. п.) влиятельных людей по отношению к своим землякам, проживающим на “малой родине” донаторов.

Традиционные политические воззрения обновленной правящей элиты Мьянмы также обусловили достаточно специфическое расходование обширных финансовых ресурсов, поступающих в бюджет в связи с произошедшей в 1990-е гг. либерализацией экономики, а также в связи с появлением у государства в 2000-е гг. значительных газовых доходов. Первое, что было осуществлено на эти деньги – расширение и перевооружение армии, увеличившейся в 1990-е гг. более чем в 2 раза – со 180 до 400 с лишним тысяч человек. Кроме того, огромные средства были выделены на строительство новой столицы Мьянмы – города Нейпидо, воздвигнутого в центральной части страны, вблизи старинного местечка Пьинмана, в первом десятилетии нового века. Поступающие в казну миллиарды долларов также использовались для активного продвижения общенациональных проектов инфраструктурного развития, в основном в области коммуникаций,

связи, гидроэнергетики, электроэнергетики в целом. Вместе взятые, упомянутые направления расходов бюджета и составили ныне реализуемый в Мьянме проект государственного строительства. Данный проект опирается на традиционную политическую культуру и подразумевает, что военные, элита – это та ведущая сила, которая способна реализовывать задачи во всех сферах. Население страны в русле этих воззрений рассматривается как сугубо пассивная масса, неспособная сама по себе решать проблемы национального развития [Мьянма в АСЕАН 2011, 96–97].

Необходимо особо подчеркнуть, что, с точки зрения господствующей буддийской этики, любая власть считается в Мьянме доброй и справедливой только в том случае, если правящая верхушка сполна отдает дань уважения основным хранителям добродетели на земле – монашеской сангхе и буддийскому учению [Агаджанян 1987, 329]. Влияние религиозных представлений в рамках реанимируемой традиционной политической культуры закономерно привело к тому, что после прихода к власти в 1988 г. новое военное правительство Мьянмы поставило заботу об укреплении и распространении буддизма на уровень особых приоритетов государства и при этом пересмотрело буддийскую доктрину и практику с националистической точки зрения. Руководство страны на протяжении двух с лишним десятилетий пыталось сформировать основанный на буддизме общественный консенсус, когда государство, сангха и простой народ говорят на одном языке, делая особый акцент на традиционной праведности и моральности мьянманцев по сравнению с западными нациями [Цеханова 2006, 360]. Такое обращение к буддизму со стороны правящих консерваторов обеспечивает им поддержку со стороны традиционалистски настроенных слоев населения и в числе прочих мер укрепляет власть обновленной мьянманской элиты, легитимизируемую в сознании народа независимо от новой Конституции и назревшей демократизации внутренних порядков.

Стоит также отметить, что упомянутая трансформация постколониальной элиты Бирмы/Мьянмы пока не получила надлежащей оценки в современной бирманистике. Внутриполитические процессы в этой стране как российские [Васильев 2010, 324–325, 361–363; Симония 2011, 136–139; Симония 2012, 35–38;], так и западные [Lintner 1990, 177–181; Mya Maung 1992, 245–247; Taylor 2009, 532–539] авторы до сих пор описывали преимущественно в

парадигме противостояния армии и оппозиции, авторитаризма и демократии (как вариант – порядка и анархии), не останавливаясь на вопросах внутренней эволюции самой мьянманской правящей верхушки.

При этом существенно, что обрисованная выше традиционалистская трансформация посколониальной элиты Бирмы/Мьянмы на современном этапе рельефно отображает стержневой для всей новой истории страны конфликт между тенденциями “открытия” и “закрытия” по отношению к внешнему, прежде всего, западному миру. По замечанию видного бирманиста А. С. Агаджаняна, подобное типичное для внутривнутриполитической жизни стран Азии и Африки столкновение политических тенденций практически везде заканчивалось рано или поздно победой прозападных модернизаторских сил. И только в Бирме/Мьянме борьба консервативной и модернизаторской группировок внутри элиты всегда приводила в итоге к победе консерваторов и к новому этапу “закрытия” страны от неограниченного влияния западной цивилизации [Агаджанян 1989, 114]. Политическая история Мьянмы конца XX – начала XXI столетий в очередной раз подтвердила этот тезис.

В то же время, произошедший в 2011 г. переход Мьянмы к гражданскому правлению не только укрепил позиции военных в консервативном сегменте общественного мнения, но и дал возможность либеральной оппозиции перейти в масштабное политическое наступление. О последнем свидетельствует громкая победа НЛД на довыборах в парламент в апреле 2012 г., помноженная на лавинообразное расширение ее партийной активности в сельской местности [Козьма 2014, 82–88]. На этом фоне становится все более явной перспектива новой вспышки гражданской войны в ходе намеченных на ноябрь 2015 г. очередных выборов в парламент страны, когда модернистская контрэлита Мьянмы и военные консерваторы впервые с 1990 г. будут состязаться за голоса избирателей. Сумеет ли традиционалистская правящая верхушка Бирмы/Мьянмы выиграть парламентскую борьбу и отразить практически неизбежный внепарламентский натиск оппозиции, подтвердится ли ходом событий предположение об устойчивом преобладании умеренно-консервативных сил в мьянманской политической системе, – покажет будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанян А. С. **Бирма: крестьянский мир и государство.** Москва, 1989.

Агаджанян А. С. Государство и традиционная политическая культура Бирмы // **Государство в докапиталистических обществах Азии.** Москва, 1987.

Васильев В. Ф. **История Мьянмы/Бирмы. XX век.** Москва, 2010.

Всеголовов И. В. **Бирма: религия и политика (буддийская сангха и государство).** Москва, 1978.

Козьма П. Н. **Наш человек в Мьянме.** Москва, 2014.

Листопадов Н. А. Генерал Аун Сан // **Восток**, 2005, № 5.

Листопадов Н. А. Мьянма: непростое время перемен // **Восток**, 1997а, № 11.

Листопадов Н. А. У Не Вин // **Вопросы истории**, 1997б, № 11.

Листопадов Н. А. У Ну // **Восток**, 1996, № 1.

Листопадов Н. А. У Тан // **Вопросы истории**, 1998, № 6.

Мьянма в АСЕАН: проблемы региона и интересы России // **Индекс безопасности.** Т. 17. № 4. Москва, 2011.

Симония А. А. Новый облик военного режима в Мьянме // **Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.** № 16. Москва, 2011.

Симония А. А. Перемены в Мьянме: первый год гражданского правления // **Азия и Африка сегодня**, 2012, № 7.

Цеханова Л. В. Политика ГСМР в религиозном вопросе // **Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.** № 9. Москва, 2006.

Lintner B. **Outrage: Burma's Struggle for Democracy.** London, 1990.

Mya Maung. **Totalitarianism in Burma: Prospects for Economic Development.** New York, 1992.

Nash M. **The Golden Road to Modernity.** Chicago, 1965.

Taylor R. H. **The State in Myanmar.** Singapore, 2009.

produced by experts in Islamic jurisprudence and lay political discourse. Examining the manner, in which Islamic normative concepts function in lay discourses, may provide us with some insight into how elements of religious knowledge are encoded in language and how they affect the actual behavioral codes.

А. Богомолов

**КОНЦЕПТ QIṢĀṢ (ВОЗМЕЗДИЕ)
В ИСЛАМСКОМ И СВЕТСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ В КОНТЕКСТЕ
ЕГИПЕТСКОЙ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ**

QIṢĀṢ является одним из самых заметных концептов, сформировавших дискурс Арабской весны в Египте. Своей мощностью, в том числе доминантной ролью в политическом дискурсе и иллюкативной силой в полемике о справедливости и политической власти, этот концепт обязан тому, что он глубоко укоренен в исламской традиции. Однако QIṢĀṢ в исламском нормативном дискурсе и светской общественной дискуссии реализуется по-разному. В статье предпринят сравнительный семантический анализ концепта QIṢĀṢ в текстах, созданных экспертами в сфере исламской юриспруденции, и в светском политическом дискурсе. Изучение способов функционирования исламских нормативных концептов в светских дискурсах позволяет достичь более глубокого понимания того, каким образом элементы религиозного знания кодируются в языке, и как их влияние проявляется на уровне поведенческих кодов.

Д. А. Бродяк

**СИНТЕЗ ТРАДИЦІЙНОГО І СУЧАСНОГО:
ТРАДИЦІОНАЛІСТСЬКА ТРАНСФОРМАЦІЯ
ПРАВЛЯЧОЇ ВЕРХІВКИ
НЕЗАЛЕЖНОЇ БІРМИ/М'ЯНМИ**

У ході адаптації суспільств країн Азії та Африки до реалій сучасного глобального світу, в XX столітті відбувалося взаємопроникнення традиційної політичної культури місцевих соціумів та

запозичених іззовні державно-політичних інститутів. На прикладі трансформації постколоніальної еліти незалежної Бірми/М'янми в запропонованій роботі показана реанімація місцевих традиційних політичних уявлень у практиці оновленого військового режиму, встановленого в країні 1988 р.

D. A. Brodyak

**SYNTHESIS OF THE TRADITIONAL AND
THE MODERN: TRADITIONALIST
TRANSFORMATION OF RULING ELITE
IN INDEPENDENT BURMA/MYANMAR**

During the adaptation of societies in Asia and Africa to the realities of today's global world in the XXth century the interpenetration of local societies' traditional political culture and public political institutions borrowed from outside took place. On the example of the transformation of post- colonial elite in independent Burma/Myanmar the proposed work reveals a revival of local traditional political ideas in the practice of renewed military regime established in the country in 1988.

Д. А. Бродяк

**СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННОГО
И СОВРЕМЕННОГО: ТРАДИЦИОналиСТСКАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВЯЩЕЙ ВЕРХУШКИ
НЕЗАВИСИМОЙ БИРМЫ/МЬЯНМЫ**

В ходе адаптации обществ стран Азии и Африки к реалиям современного глобального мира, в XX веке происходило взаимопроникновение традиционной политической культуры местных социумов и заимствуемых извне государственно-политических институтов. На примере трансформации постколониальной элиты независимой Бирмы/Мьянмы в предложенной работе показана реанимация местных традиционных политических представлений в практике обновленного военного режима, установившегося в стране в 1988 г.

ЗМІСТ

Bogomolov O.

The Concept of QIṢĀṢ (Retaliation) in the Islamic
and Lay Political Discourses in the Context
of the Egyptian Arab Spring 3

Бродяк Д. А.

Синтез традиционного и современного: традиционалистская
трансформация правящей верхушки
независимой Бирмы/Мьянмы 21

Василюк О. Д.

Побут й адатне право карачаївців та балкарців
у дослідженнях Максима Ковалівського 33

Кобелянська О. І.

Комунікативний потенціал і критерії відбору японської
ономатопоетичної лексики в лінгводидактичних цілях 48

Максимів О. Й.

Специфіка частотних словників публіцистичного стилю
сучасних перської та української мов 66

Марков Д. Е.

Хранительница трона и страны: сакрально-политический
аспект культа Таледжу в Непале 77

Отрощенко І. В.

На шляхах модернізації: мовна політика та культурне
будівництво в Тувинській Народній Республіці 96

Радівілов Д. А.

Мусульмани України в політико-правових реаліях
світської держави 115

Стацюк Р. В.

Проблеми перекладу військово-технічної термінології
сучасної арабської літературної мови 141

<i>Туранли Ф. Г.</i>	
Тюрксько-османські писемні джерела та визначення їхнього авторства	153
<i>Філь Ю. С.</i>	
Освітній проект християнських місій Північної Індії у XIX ст.	161
<i>Summaries</i>	175

Підписано до друку 30.12.2014. Формат 84х108/32. Папір офсетний.
Друк офсетний. Умов. друк. арк. 10,08. Наклад 100 прим. Зам. 599.

Надруковано у друкарні ПП Мошак М. І.
32343, Хмельницька обл., Кам'янець-Подільський р-н,
м. Кам'янець-Подільський,
вул. Іоанно-Предтечинська, 2. Тел./факс (03849) 2-72-01
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 867 від 22.03.2002 р.
www.drukarnya.com, e-mail: medobory@i.ua